

Т. В. Лопашенкова, Л. М. Бондарева

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ
ТАКТИКИ ПРИЗЫВА К ДЕЙСТВИЮ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 20.01.2025 г.

Принята к публикации 27.02.2025 г.

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3

27

Для цитирования: Лопашенкова Т. В., Бондарева Л. М. Особенности языковой реализации тактики призыва к действию в англоязычном экологическом дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2025. №2. С. 27—40. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3.

Исследуется прагматический потенциал средств экспликации тактики призыва к действию в англоязычном экологическом дискурсе. Определено место экологического дискурса в совокупном дискурсивном пространстве, представлен краткий обзор исследований данного типа дискурса с позиции учета его субстанциальных языковых характеристик. На основе анализа статей англоязычного издания The Ecologist устанавливается факт текстовой реализации тактики призыва к действию с помощью совокупности средств объективной и субъективной модальности. В качестве репрезентантов категории объективной модальности фиксируются глаголы в форме повелительного и сослагательного наклонений. Основным средством субъективной модальности выступает модальная лексика, представленная соответствующими глаголами, частицами, словами и словосочетаниями. Констатируется наличие в интерпретируемых текстах дополнительных языковых средств, способствующих усилению лингвопрагматического потенциала англоязычного медийного экологического дискурса.

Ключевые слова: экологический дискурс, коммуникативные стратегии, тактика призыва к действию, языковые средства

Понятие «дискурс» приобрело особую актуальность в лингвистических исследованиях второй половины XX в. в связи с увеличением интереса ученых к функционированию языковых структур, выходящих за уровень текста. Проблемы дискурса освещены в работах зарубежных лингвистов — основателей теории критического дискурс-анализа (Т. Ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэрклоу, Л. Чоулиараки), а также представителей социального конструкционизма (теория дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф) и дискурсивной психологии (Дж. Поттер, М. Уэзерел). Дискурс-анализу посвящен ряд работ таких отечественных ученых, как Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова, В. И. Карасик и др.

Несмотря на большое количество исследований подобного рода, в настоящее время не существует единого подхода к пониманию данного феномена. Как отмечает Л. М. Бондарева, можно выделить по крайней мере три подхода к вопросу разграничения понятий «текст» и «дискурс»: разграничение на основе оппозиции «статика — динамика», полное разграничение текста и дискурса и отождествление этих терминологических номинаций [3]. Наиболее убедительной нам представляется трактовка, предложенная Н. Д. Арутюновой: «Дискурс — связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [1, с. 136].

Следующая проблема в этой области связана с принципами выделения типов дискурса для осуществления их инвентаризации, унификации и классификации. К числу подразумеваемых критериев могут относиться такие параметры, как сфера общения, жанровая специфика, индивидуально-личностные или профессиональные особенности речевого субъекта и т. д. В процессе исследования мы основывались на точке зрения Е. В. Ивановой, которая, выбирая в качестве критерия типологизации дискурса параметр «тема», говорит о существовании экологического типа дискурса и определяет его как «совокупность устных и письменных текстов различных функциональных стилей и жанров, обусловленных ситуацией общения на экологические темы» [6, с. 134].

В свою очередь, А. В. Зайцева дает более широкое определение экологического дискурса, понимая под ним «совокупность экологических текстов различных коммуникативно-речевых сфер (науки и публицистики, художественной литературы, официально-делового и бытового общения), объединенных общей темой и формирующих экологическое сознание реципиентов» [5, с. 161].

Особый интерес к экологическому дискурсу возникает в конце XX в. в связи со смещением фокуса внимания ученых в сторону объективизации антропогенной нагрузки на природу, более глубокого осознания проблем окружающей среды в целом и роста вследствие этого понимания той важной роли, которую играет язык в решении экологических проблем. В настоящее время существуют исследования экологического дискурса с позиции учета его субстанциальных языковых характеристик. Так, А. В. Зайцева рассматривает проблему типологии текстов экологического дискурса в языковых дискурсивных практиках ФРГ [4], Е. В. Иванова исследует роль метафоры при описании экологических проблем на материале немецкоязычных СМИ [7], О. Г. Каленова анализирует англоязычный экологический дискурс в стилистическом аспекте [8], а М. В. Басинская характеризует лексико-семантические особенности англоязычного медийного экологического дискурса [2].

Предметом нашего исследования является прагматический потенциал англоязычного экологического дискурса в сфере СМИ, что подразумевает интерпретацию арсенала соответствующих стратегий, тактик и реализующих их языковых средств. В данной статье представлены

результаты анализа функционирования *тактики призыва к действию*, которая была выделена нами как одна из тактик в рамках актуализации глобальной стратегии убеждения.

Предварительно необходимо отметить, что в работах Е. Б. Павловой, которая занимается изучением лингвопрагматической организации англоязычного экологического интернет-дискурса, встречается термин «тактика призыва». Автор считает, что данная тактика служит для реализации стратегии повышения активности адресата [10]. На наш взгляд, функционал этой тактики у Е. Б. Павловой ограничен, так как под ним подразумеваются в основном случаи обращения адресанта к адресату с просьбой об ответной коммуникации (например, призыв вступить в ряды экологического сообщества). В связи с этим мы вводим собственный термин «тактика призыва к действию», что позволяет расширить диапазон референциально соотносящихся с данной номинацией областей и акцентировать деятельностный посыл адресату со стороны автора как облигаторную характеристику экологического дискурса в целом.

Языковым материалом послужили 10 статей за 2024 г. из авторитетного англоязычного интернет-издания *The Ecologist*, которое специализируется на освещении широкого спектра экологических вопросов и популяризирует в своих статьях системное экологическое мышление.

В процессе исследования было установлено, что тактика призыва к действию эксплицируется в этих текстах рядом языковых средств, к которым в первую очередь относятся средства объективной и субъективной модальности. Обратимся к примерам, являющимся маркерами реализации подразумеваемой тактики в результате использования прагматического потенциала категории глагольного наклонения. В данном контексте важную роль играют глаголы повелительного наклонения, служащие для призыва читателей вступить в ряды экологически мотивированного сообщества. Подобная ситуация встречается, в частности, в статье «Podcasts for navigating climate crises» (дата публикации 05.06.2024):

*If you crave depth, thirst for knowledge, and yearn for meaningful change, **tune in, explore, and join** us in forging a positive impact on the world [12].*

В данном примере глаголы *to tune in*, *to explore* и *to join* образуют перечислительный ряд, тем самым ритмически усиливая побудительную силу авторской интенции. Также стоит отметить, что в высказывании содержатся эмоционально окрашенные прилагательные с положительной коннотацией (*meaningful, positive*), способствующие созданию общего положительного образа экоактивистской деятельности. Для усиления убедительности высказывания автор использует три глагола, принадлежащие к одному синонимическому ряду (*to crave, to thirst, to yearn*).

В статье «Sing a song of urban nature» (дата публикации 21.06.2024) использование повелительного наклонения позволяет осуществить призыв горожан к жизни в гармонии с природой. Тактика призыва к

действию эксплицируется уже в заголовке статьи, где автор побуждает жителей «петь песню городской природы», жить в гармонии с природой и бороться за ее восстановление. Эта мысль проходит лейтмотивом через весь текст статьи, реализуясь на основе использования метафоры:

Nature sings to us with the dawn chorus to welcome every day, let's sing back just as often as we fight to restore it [18].

Глагол *to sing* в данном примере встречается дважды: сначала в составе глагольной метафоры (*Nature sings to us*), а затем в своем прямом значении, употребляясь с местоимением *us* (*let's sing back...*). Подобное использование языковых средств помогает публицисту выразить единение с читателем в деле борьбы за сохранение природы.

Интересный пример реализации тактики призыва к действию содержится в статье «Movement power: a shock doctrine for the left?» (дата публикации 07.06.2024) [13], которая посвящена обсуждению представленных в книге Г. Джонса «Шоковая доктрина левых» инструментов для адекватного понимания и реагирования на климатический кризис. Репрезентация тактики призыва происходит здесь в визуальной форме — в виде активистского слогана на расположенной в начале статьи, сразу под ее названием, фотографии, на которой запечатлены сотни людей, вышедших на улицы Парижа на демонстрацию против действий, ведущих к изменению климата. Часть фото занимает большой белый плакат с надписью огромными буквами *Change the System, Not the Climate!* Глагол *change* в повелительном наклонении становится здесь средством, позволяющим проиллюстрировать основную цель статьи — побудить читателя к активным действиям по преодолению экологического кризиса. Автор текста пытается таким образом привлечь всеобщее внимание к необходимости взаимодействия с идеями, изложенными в статье.

Следующим способом языковой реализации тактики призыва к действию является использование глагольных форм сослагательного наклонения. Согласно М. В. Ляпон, сослагательное наклонение относит высказывание в план желаемого, требуемого или необходимого [9]. В процессе исследования нами было установлено, что в текстах экологического дискурса сослагательное наклонение гораздо чаще используется авторами не для прямого, а для косвенного призыва. Такой подход позволяет адресату ознакомиться с возможными вариантами развития событий, что наблюдается в статье «Post-election battlegrounds for climate and social justice» (дата публикации 19.06.2024):

*Such changes **would** make it possible to replicate the success of Energy Local in Bethesda, north Wales, which supplies locally-produced hydro power to households at low-grid prices. In April, the Common Wealth think tank proposed a "public-commons partnership" as the institutional form under which local authorities **could** develop such projects [14].*

Использование сослагательного наклонения в данном примере (*would make it possible, could develop*) позволяет автору описать желатель-

ные с его точки зрения изменения в политике партии, интересы которой он представляет, что в сочетании с упоминанием фактических данных (*which supplies locally-produced hydro power to households at below-grid prices*) способствует укреплению позиции публициста в рамках применения глобальной стратегии убеждения.

Сослагательное наклонение также может придавать высказыванию оттенок желательности. Так, в вышеупомянутой статье «Sing a song of urban nature» сослагательное наклонение используется для акцентуации контраста желаемого будущего с неприглядным и суровым настоящим в следующем текстовом фрагменте:

But today we are living through a mass extinction event, the result of a neglectful, destructive relationship between humanity and the rest of nature. And in harming nature we harm ourselves. We have the chance to become re-enchanted though, if we connect, respect and enjoy nature in the towns and cities where most people live [18].

31

Употребление эмотивной лексики с негативной семантикой (*a mass extinction event, a neglectful, destructive relationship, harming*) приводит к усилению картины экологического кризиса в настоящем. Выход из сложившейся ситуации автор видит в объединении усилий горожан и выражает это с помощью условного придаточного предложения (*if we connect, respect and enjoy...*). Прагматика данного высказывания усиливается благодаря трехкратному повторению глаголов с положительной семантикой (*connect, respect and enjoy*), стоящих в сослагательном наклонении, что способствует передаче мнения автора о необходимости применения вполне очевидных действий, требуемых от общества для борьбы с насущными экологическими проблемами.

Еще одним заслуживающим внимания примером экспликации косвенного призыва с помощью сослагательного наклонения является фрагмент статьи «A breach of trust» (дата публикации 29.12.2024), в которой излагается призыв правительства Австралии к усилению превентивных мер по подготовке населения к возможным последствиям стихийных бедствий:

People can only be pushed so far. The ripple will become a wave. Soon, these isolated events will coalesce into climate fury. Soon that wave will become radical. If Australia does not empower communities to help themselves, it will face the wrath of communities scorned. It's a lesson for the world [16].

Автор метафорически изображает страшное будущее, грозящее правительству Австралии в случае непринятия им соответствующих действий, используя синтаксический параллелизм в четырех предложениях, которые следуют одно за другим (*will become... will coalesce... will become... will face...*). Тем самым он убеждает читателя в неизбежности приближающейся катастрофы, одновременно с помощью условного придаточного предложения *If Australia does not empower communities...* акцентируя реальность описываемой угрозы. Смена времени с будущего на настоящее в финале высказывания резюмирует общий посыл автора о том, что всему миру необходимо извлечь урок из этой ситуации: *It's a lesson for the world*.

Таким образом, тактика призыва к действию в англоязычном экологическом медийном дискурсе эксплицируется с помощью ряда средств объективной модальности, к которым относятся глаголы в повелительном и сослагательном наклонениях, сочетающиеся с эмотивной лексикой положительной и негативной коннотации, ритмической организацией текста и метафорами.

Теперь обратимся к рассмотрению особенностей реализации тактики призыва к действию с помощью языковых средств, относящихся к категории субъективной модальности и репрезентируемых модальными глаголами и модальной лексикой.

Как было установлено, в текстах исследуемых нами статей наиболее употребительными являются модальные глаголы, которые позволяют адресантам передать семантику необходимости, долженствования, возможности и желательности.

К языковым средствам, эксплицирующим интенцию автора придать высказыванию семантику необходимости, относится модальный глагол *need*. О его важности для выражения анализируемой тактики может свидетельствовать, в частности, функционирование данного глагола не просто в тексте статьи, а в ее заголовке. Речь идет о статье, носящей название «Caroline Lucas: environmental NGOs need to be more radical» (дата публикации 13.06.2024), в которой сообщается о Каролине Лукас, единственном члене парламента от партии «зеленых», призывающей неправительственные организации занять более радикальную позицию в вопросе решения экологических проблем. Усилению прагматического потенциала глагола *need* способствует употребление оценочного прилагательного в сравнительной степени (*more radical*).

Говоря о семантике необходимости, следует отметить разнообразие адресатов, к которым обращаются авторы статей с призывом к конкретным действиям. В проанализированных нами текстах в качестве таких адресатов выступают природоохранные объединения (1), (2), политические партии (3), все граждане (4), а в некоторых случаях и сама природа (5).

В примере (1), взятом из статьи «Caroline Lucas: environmental NGOs need to be more radical», в которой автор цитирует речь Каролин Лукас, речь идет о том, что необходимым условием успеха является корректировка коммуникационной стратегии экологических активистов. Косвенный призыв реализуется за счет употребления модального глагола *need*, а адресантом выступают природоохранные объединения (*environmental campaigners*):

(1) *In order to win the debate, environmental campaigners **needed** to spend more time talking to those who were yet to be persuaded, rather than “talking to each other on Twitter”, she said [11].*

В примере (2) корректировки, по мнению Каролины Лукас, требует также общая программа действий природоохранных движений. Экоак-

тивистка, которую цитирует автор статьи, обращается к подобным движениям в форме прямой и косвенной речи, употребляя в обоих случаях глагол *need*:

(2) *The environmental movement **needs** to have a broader agenda, she said. "You do need to care about the wealth tax, you do **need** to care about the redistribution of funds, otherwise this is simply not going to happen, it just isn't. That joined-upness has got to be taken forward in the next 14 years, because we haven't got it right in the last 14" [11].*

В контексте прямой речи данный глагол функционирует в виде усиленной двойным повторением конструкции с вспомогательным глаголом *do* (*You **do need** to care about the wealth tax, you **do need** to care about the redistribution of funds*). Следует отметить, что использование личного местоимения *you* обусловлено стремлением автора сократить дистанцию между собой и членами природоохранных движений. Аналогичная интенция публициста представлена в другом примере, где Каролин Лукас для сближения с аудиторией помимо личного местоимения 1-го л. мн. ч. *we* использует также обращение *friends*:

*"Friends, we urgently **need** to close the gap between what's scientifically and ethically essential, and what is currently deemed to be politically possible," she said [11].*

Употребление этих языковых средств наряду с контрастирующим по своей негативной окраске выражением *to be deemed to* («быть обреченным»), примененным к описанию настоящего положения дел (*what is currently deemed to be politically possible*), позволяет максимально убедительно передать основную идею о необходимости срочно предпринять совместные усилия в ключевых, по мнению Лукас, направлениях.

В ходе исследования мы также обратили внимание на то, что при реализации субъективной модальности характерной чертой становится объединение автором личного и общего за счет использования личных и притяжательных местоимений 1-го л. (*we, my, our*), что наглядно демонстрируют примеры (3)–(5):

(3) *...our movement **needs** serious conversation about how to fight for working people's livelihoods and run down oil and gas production simultaneously [14];*

(4) *...this is the conversation we urgently **need** [14];*

(5) *...nature doesn't just **need** us to protect it, we need it to thrive [18].*

В примере (3) из статьи «Post-election battlegrounds for climate and social justice» (дата публикации 19.06.2024) автор, объединяя себя с одной из политических партий с помощью фразы *our movement*, обозначает тем самым свою вовлеченность в ее деятельность, а затем переходит к призыву всем вместе предпринять определенные меры. В примере (4) из той же статьи мы наблюдаем схожую ситуацию, но здесь автор адресует свой призыв ко всем людям, также объединяя себя с ними за счет

употребления местоимения *we*. Наконец, в примере (5) из статьи «Sing a song of urban nature» адресантом выступает природа, а местоимение *us* автор использует для вовлечения читателя в круг собственных прокламируемых идей.

Говоря о функционировании глагола *need* в качестве важного средства субъективной модальности, мы пришли к выводу о том, что он позволяет авторам текстов экологического дискурса выражать призыв к самым различным действиям, направленным на активизацию мер по защите природы. Таковыми являются:

- призыв к экологически ориентированному мышлению:

To act effectively on climate, we need to keep in mind the necessity of holistic solutions, and reject illusory technofixes and greenwash narratives that claim to reduce emissions with one hand, and pour them into the atmosphere with the other [14];

- призыв к увеличению инвестиций, выделяемых на защиту окружающей среды:

He agreed there had been a lack of investment over the years, saying: “We need investment, but the right kind of investment by investors who are in for the long term, rather than those who only come in and strip cash out” [15];

- призыв к контролю действий компаний по водоснабжению:

He said the regulator had “utterly failed”, coupled with a lack of political oversight, adding: “We need a root and branch review of water companies” [15].

Следующим средством субъективной модальности является глагол *must*, маркирующий переход от состояния необходимости к состоянию долженствования и обладающий в соответствии с этим большей убедительной силой. Именно на данном основании глагол *must* употребляет в своих высказываниях ранее упоминавшаяся Каролин Лукас, говорящая о том, какие действия должен предпринять сектор неправительственных организаций, чтобы переломить сложившуюся неблагоприятную ситуацию, в которой главенствуют политические и экономические законы, препятствующие борьбе с экологическим кризисом:

The environmental NGO sector must challenge the economic and political rulebooks or risk colluding in maintaining the status quo, according to outgoing Green Party MP Caroline Lucas [11].

В этой же статье глагол *must* употребляется в специфическом элементе оформления журнальных статей — так называемой врезке. Врезка — это графически оформленный фрагмент текста (как правило, выделенный цветом прямоугольник), в котором заключен основной посыл автора. Такой способ типографического выделения ведет к визуальной акцентуации соответствующего текстового отрывка для реализации в данном случае более эффективной стратегии убеждения. Ниже цитируется текст врезки:

*The current political rules are an obstacle to securing a liveable future, and until the rulebook is torn up, we **must** all be alert to the possibility that, rather than being the agents for real change, we are colluding in maintaining the status quo [11].*

В статье «Sing a song of urban nature» модальный глагол *must* используется для выражения настоятельного совета с оттенком долженствования и побуждения читателей к выполнению обязательных, по мнению автора, действий:

*Running over the uneven trails forced intimate attention on the nature around you and the presence of water everywhere is an inescapable reminder of the vulnerability of cities to rising water, leading easily to the idea that we too **must** rise up for change [18].*

35

В данном примере сочетание глагола *must* с местоимением 1-го л. мн. ч. *we* и фразовым глаголом *to rise up* позволяет автору адресовать свое обращение широкому кругу читателей с призывом подняться на борьбу, ведущую к положительным переменам в экологической ситуации в городах (*we too must rise up for change*). Трехкратное употребление форм на *-ing* (*running, rising, leading*) способствует, на наш взгляд, созданию эффекта благозвучия, усиливающего общий положительный потенциал прагматического воздействия высказывания на адресата.

Очередным средством субъективной модальности являются глаголы *can* и *could*, которые помогают автору описать имеющиеся у читателя возможности воздействия на развитие экологической ситуации, а также вероятные последствия действий, к которым он призывает. Однако по сравнению с призывом, который реализуется за счет использования глаголов *need* и *must*, модальные глаголы *could* и *can* употребляются для выражения более мягкого призыва. Так, в статье «Can tennis achieve net zero?» (дата публикации 28.06.2024) автор мотивирует в этой форме игроков в теннис взять на себя ответственность за воздействие на окружающую среду и активно участвовать в усилиях по обеспечению устойчивого развития данного вида спорта:

*However, to show an interest and speak up about concerns authentically **can** make a real difference, with a likely ripple effect, as the ATP may show [19].*

В процитированном фрагменте текста глагол *can* вместе с фразовым глаголом *to make a difference*, усиленным эмоционально окрашенным прилагательным *real*, позволяет автору деликатно оформить косвенный призыв к коллективным усилиям по снижению уровня негативного воздействия тенниса на экологическую обстановку.

Однако в отрицательной форме глагол *can* в сочетании с глаголом *to afford* может использоваться говорящим для выражения крайней степени несогласия с действиями, которые могут привести к экологическим проблемам, как это наблюдается в следующем примере, представляющем собой очередную цитату из речи Каролин Лукас:

*"When I have put my head above the parapet, it did sometimes feel to me that some of you were keeping yours down in damage limitation mode. I understand that instinct, but at such a serious moment in human history, we **can't** afford to settle for anything less than what the science demands," she said [11].*

Как очевидно, автор высказывания переходит на уровень лексики возвышенного, философского характера (*a serious moment in human history*), чтобы создать у читателя впечатление важности происходящего, подчеркнуть ответственность каждого за принимаемые решения и призвать к объединению в вопросах защиты окружающей среды. Повтор глаголов с семантикой активного действия (*to afford, to settle for, to demand*) также способствует усилению общего прагматического эффекта.

Известно, что в рамках субъективной модальности с помощью глаголов *can, could*, а также *would* в текстах может передаваться оттенок желательности, что наблюдается в следующем текстовом примере из статьи «Can tennis achieve net zero?»:

*Tennis players **can** use their social platforms to help educate and inspire millions of fans around the world, whilst also encouraging the corporate leaders of the sport to keep making bold decisions to positively shape the future direction of travel [19].*

Автор структурирует косвенный призыв, объясняя целесообразные с его точки зрения действия, которые должны привести к наилучшему результату. Призыв выражается здесь в более решительной форме по сравнению с примерами, в которых употребляются модальные глаголы *could* и *would*.

В следующем фрагменте, взятом из той же статьи, теннисистам предлагается участвовать в развитии природоохранной деятельности путем коллаборации с представителями других видов спорта:

*The tour **could** also collaborate with other global sports such as golf or Formula One to showcase its environmental agenda and create efficiencies at scale [19].*

Высказывание выстроено в форме «мягкого» призыва с помощью глагола *could*, а его убеждающая сила увеличивается за счет использования автором ключевой лексики экологического дискурса *environmental agenda* и предложного словосочетания *to create efficiencies at scale* («для повышения эффективности **в масштабе**»).

Аналогичная ситуация наблюдается в очередном примере из этой статьи, где в тексте функционирует модальный глагол *would*, структурирующий ситуацию «мягкого» призыва в сочетании с эмоционально окрашенным прилагательным *fantastic*:

*Many players have considerable charitable commitments and causes, but it **would** be fantastic to see them speak up on environmental issues too, which is quite an ask when a career depends on international travel, not to mention the laser-like focus needed to reach peak performance [19].*

Отдельно следует рассмотреть примеры использования модальных частиц, слов и словосочетаний, которые в исследованных статьях позволяют передать оттенок уверенности или неуверенности адресанта в своих словах.

В статье «Can tennis achieve net zero?» автор выражает с помощью наречия *probably* предположение о том, что протесты экоактивистов, вероятно, будут продолжаться, если теннисисты не покажут свою заинтересованность в развитии экологической устойчивости этого вида спорта:

*The effects of climate breakdown, with soaring temperatures and flooding, will affect players at all levels. Protests will **probably** continue to disrupt play if tennis cannot show that it genuinely cares and is willing to adapt and fully engage with the issues [19].*

Включение данного вида модальности в структуру повествования наряду с ключевой лексикой экологического дискурса и упоминанием пугающих фактов действительности (*climate breakdown, soaring temperatures, flooding*) позволяет акцентировать внимание читателей на угрозах для экологической ситуации в мире, исходящих, по мнению автора статьи, от некоторых видов спорта.

В следующем примере, взятом из статьи «Grassroots power» (дата публикации 11.06.2024), субъективная модальность представлена наречием *only*, встречающимся в примере дважды, что подчеркивает уверенность автора в необходимости совместных действий в борьбе за экологическое благополучие и усиливает убедительность экспликации тактики призыва к действию:

*We are **only** going to win the environmental struggle if we get mass movements engaged. That is the **only** way to do things because environmentalism from above, despite some of its successes, is clearly always going to be vulnerable to political backlash [17].*

В приводимом ниже примере из статьи «Caroline Lucas: environmental NGOs need to be more radical» в цитате из речи экоактивистки Каролин Лукас обращает на себя внимание асерторический оборот *there's no way to... without...*, выражающий ее твердую уверенность в том, что для борьбы с экологическим кризисом необходима трансформация существующей экономической и политической системы:

*"There's **no way** to seriously address the triple crisis of climate, nature, inequality without transforming the economic and political systems," she said [11].*

Таким образом, совершенно очевидно, что в текстах англоязычного экологического дискурса для экспликации тактики призыва к действию авторами активно используются соответствующие языковые средства субъективной модальности:

- модальный глагол *need*, помогающий придать высказыванию оттенок необходимости;
- модальный глагол *must*, придающий сообщению семантику долженствования;
- модальные глаголы *can / could*, позволяющие выразить возможности и вероятные последствия действий, к которым призывает автор;
- модальные глаголы *can / could* и *would*, передающие оттенок желательности;

• модальные частицы, слова и словосочетания (например, *probably, only, no way*), позволяющие передать оттенок уверенности или неуверенности автора в сказанном.

Выводы

На основе проведенного исследования текстов десяти статей англоязычного экологического дискурса, содержащихся в интернет-издании *The Ecologist*, представляется возможным сделать следующие выводы:

• экспликация тактики призыва к действию в данных текстах реализуется с помощью набора языковых средств, относящихся к категориям объективной и субъективной модальности;

• в рамках объективной модальности тактика призыва к действию эксплицируется с помощью глаголов в форме повелительного и сослагательного наклонений, а субъективная модальность реализуется на основе использования модальной лексики, представленной модальными глаголами, частицами, словами и словосочетаниями;

• прагматический потенциал высказываний, содержащих средства объективной и субъективной модальности, усиливается за счет применения личных и притяжательных местоимений, эмотивной лексики с положительной и негативной коннотацией, метафор, ритмической организации текста, фразовых глаголов, ассерторических оборотов, ключевых лексем экологического дискурса и в отдельных случаях внетекстовых элементов (фото, врезок).

Такой спектр языковых средств позволяет адресантам успешно эксплицировать тактику призыва адресатов к действию в рамках реализации глобальной стратегии убеждения.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
2. Басинская М.В. Исследование лексико-семантических особенностей экологического дискурса в рамках языковой экологии // Вестник Московского государственного областного университета. 2014. Вып. 20 (706). С. 32–41.
3. Бондарева Л.М. Ретроспекция как фактор структурирования дискурса и текста. Калининград, 2019.
4. Зайцева А.В. К проблеме типологии текстов экологического дискурса ФРГ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. №7 (25) : в 2 ч. Ч. 2. С. 92–96.
5. Зайцева А.В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ : дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2014.
6. Иванова Е.В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. 2007. №23. С. 134–137.
7. Иванова Е.В. Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2007. №13. С. 32–36.
8. Каленова О.Г., Дубровская Т.В. К проблеме определения экологического дискурса и его жанров // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №2 (16). С. 6–12.

9. Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 303–304.

10. Павлова Е. Б. Лингвопрагматическая организация англоязычного экологического интернет-дискурса // Научный диалог. 2019. №1. С. 88–100.

11. Early C. Caroline Lucas: environmental NGOs need to be more radical. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/13/caroline-lucas-environmental-ngos-need-be-more-radical> (дата обращения: 15.11.2024).

12. Harbour R. Podcasts for navigating climate crises. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/05/podcasts-navigating-climate-crises> (дата обращения: 15.11.2024).

13. Montague B. Movement power: a shock doctrine for the left? URL: <https://theecologist.org/2024/jun/07/movement-power-shock-doctrine-left> (дата обращения: 15.11.2024).

14. Pirani S. Post-election battlegrounds for climate and social justice. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/19/post-election-battlegrounds-climate-and-social-justice> (дата обращения: 15.11.2024).

15. Press Association Public “scammed” by water companies. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/12/public-scammed-water-companies> (дата обращения: 15.11.2024).

16. Prideaux M. A breach of trust. URL: <https://theecologist.org/2024/feb/29/breach-trust> (дата обращения: 15.11.2024).

17. Rappel I. Grassroots power. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/11/grassroots-power> (дата обращения: 15.11.2024).

18. Simms A. Sing a song of urban nature. URL: <https://theecologist.org/2024/jun/21/sing-song-urban-nature> (дата обращения: 15.11.2024).

19. Slater L. Can tennis achieve net zero? URL: <https://theecologist.org/2024/jun/28/can-tennis-achieve-net-zero> (дата обращения: 15.11.2024).

Об авторах

Татьяна Владимировна Лопашенкова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: bamh@mail.ru

Людмила Михайловна Бондарева — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru

T. V. Lopashenkova, L. M. Bondareva

WAYS OF EXPRESSING THE CALL-TO-ACTION TACTICS IN ENGLISH-LANGUAGE ENVIRONMENTAL DISCOURSE

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 20 January 2025

Accepted 27 February 2025

doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3

To cite this article: Lopashenkova T. V., Bondareva L. M. 2025, Ways of expressing the call-to-action tactics in English-language environmental discourse, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, №2. P. 27–40. doi: 10.5922/vestnikpsy-2025-2-3.

This study explores the pragmatic potential of linguistic means used to explicate the call-to-action strategy in English-language environmental discourse. The position of environmental discourse within the broader discursive space is defined, and a brief overview of relevant studies is provided, with a focus on its substantive linguistic characteristics. Based on an analysis of articles published in the English-language edition of The Ecologist, the study identifies the textual realization of the call-to-action strategy through a combination of means reflecting both objective and subjective modality. Verbs in the imperative and subjunctive moods are identified as primary markers of objective modality. The main indicators of subjective modality include modal vocabulary, represented by specific verbs, particles, words, and phrases. The presence of additional linguistic devices in the analyzed texts is also noted, contributing to the enhancement of the linguo-pragmatic potential of English-language media-based environmental discourse.

Keywords: environmental discourse, communicative strategies, call-to-action tactics, language means

The authors

Tatyana V. Lopashenkova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bamh@mail.ru

Prof. Lyudmila M. Bondareva, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: bondareva.koenig@mail.ru